

у Гамлета стихійное чувственное побужденіе не находитъ себѣ достойнаго мѣста въ общемъ строѣ его жизни. Другими словами, сознательныя, человѣческія побужденія его не служатъ русломъ, дающимъ облагораживающій и очеловѣчивающій исходъ стихійнымъ инстинктамъ; вслѣдствіе этого, стихійные безсознательные элементы (то, что Спенсеръ называетъ „заднимъ фономъ сознанія“) остаются во всей своей грубости, низменности и наготѣ, а съ другой стороны высшія идеальныя побужденія лишены здоровой, естественной почвы. Иллюстраціей къ тому же самому могутъ служить романтики, у которыхъ чувственность (какъ напр. у Фридриха Шлегеля въ его „Люциндѣ“) принимала самыя дикія формы.

Между тѣмъ, у древнихъ грековъ естественныя потребности тѣла тѣсно сплетались и гармонировали съ идеальными требованіями духа. И это у нихъ было во всѣхъ сферахъ жизни. Но Шопенгауеръ даже какъ будто не подозреваетъ возможности такого способа примиренія между безсознательно-стихійными элементами и сознательными человѣческими. По его убѣжденію, единственный способъ примирить ихъ—это сокративши послѣдніе.

Повторяемъ, мы тутъ имѣемъ предъ собой уже не указаніе на зло, а типичное его проявленіе, конечный пунктъ разложенія, выражающійся въ упадкѣ душевной энергіи, въ совершенно пассивномъ отношеніи ко всему. Поэтому, если съ этой позиціи всякое осложненіе жизненнаго строя представляется безусловно-враждебнымъ жизни, то совсѣмъ не таково положеніе дѣлъ по отношенію къ тѣмъ, въ комъ процессъ разложенія оставилъ хоть какіе-нибудь слѣды активности. Объ этомъ свидѣлствуютъ даже тѣ перъшительныя и слабыя отклоненія въ пользу жизни, какія намъ удалось найти у Шопенгауера.

То же самое можно замѣтить и у Гартмана, о которомъ намъ остается прибавить немного. Интересъ его заключается главнымъ образомъ въ томъ, что у него ярче выступаетъ кое-что изъ того, что у Шопенгауера имѣется только въ намекѣ.

VIII.

Необходимо, говоритъ Гартманъ, привыкнуть къ мысли, что прогрессъ жизни совершается вовсе не въ пользу человѣческаго счастья; даже прямо наоборотъ, — мы видимъ, что народы, находящіеся въ грубомъ естественномъ состояніи, гораздо счастливѣе культурныхъ націй, и низшіе, необразованные классы болѣе при-